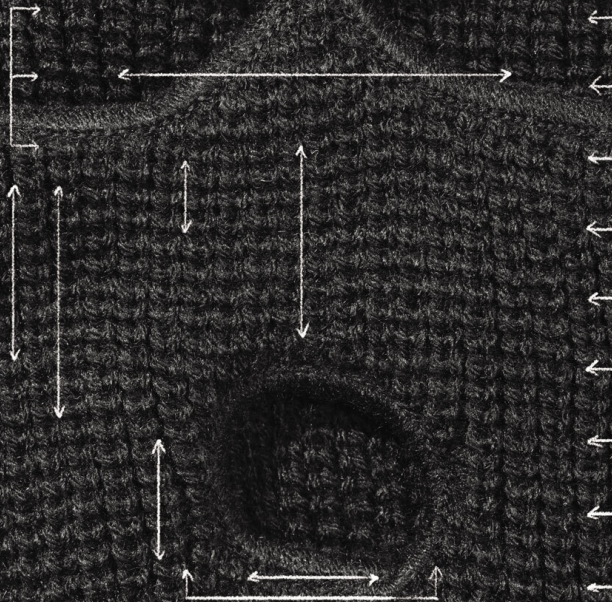
ДЖОН ХОРГАН

ПСИХОЛОГИЯ ТЕРРОРИСТА

ПОЧЕМУ ЛЮДИ НАЧИНАЮТ
УБИВАТЬ РАДИ ИДЕИ

Джон Хорган

Психология террориста: Почему люди начинают убивать ради идеи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71245156
Психология террориста: Почему люди начинают убивать ради идеи: Альпина Паблишер; Москва; 2025
ISBN 9785006302303

Аннотация

Терроризм не просто ужасное зло, это – одна из самых сложных проблем современности, решение которой человечеству еще предстоит найти. Джон Хорган, признанный эксперт в области психологии терроризма, в своей книге описывает механизмы, которые приводят обычных людей на путь насильственного экстремизма. Их действия зачастую продиктованы разрушительной идеологией, которая оправдывает применение насилия во имя больших целей, однако мотивация террористов может казаться рациональной только им самим. Автор опирается на двадцатилетний опыт исследований и предлагает читателям уникальный анализ образа мышления, поведения и идеологии участников самых разных террористических организаций. Он развеивает мифы о терроризме, анализирует роль высоких технологий

в формировании облика террора в XXI веке, а также предлагает меры, которые могут помочь в дерадикализации и реабилитации участников экстремистских групп.

Эта книга убедительно доказывает, что борьба с терроризмом требует не только военной силы и политической воли, но и глубокого понимания его социальных и психологических корней.

Бывшие боевики «Исламского государства» признаются: несмотря на то что они прямо заявляли о своих предпочтениях, все решали их руководители – именно они в итоге определяли, что будут делать боевики. Но вот что важно: чтобы получить более полную картину вовлечения людей в террористическую деятельность, надо смотреть на проблему шире и изучать не только людей. Мы должны также рассматривать процессы и механизмы, создающие условия для вербовки.

Эта книга убедительно доказывает, что борьба с терроризмом требует не только военной силы и политической воли, но и глубокого понимания его социальных и психологических корней.

Но в тот раз я приехал, чтобы встретиться с одним человеком, с которым переписывался по электронной почте, пока он сидел в федеральной тюрьме. Я буду называть его Аджмал. До ареста он был вербовщиком террористов и пропагандистом, потом отбывал срок за участие в террористической деятельности на территории США. За год до этого ко мне обратились агенты ФБР и попросили высказать свое мнение по делу бывшего террориста, который стремился порвать с экстремистской деятельностью. Его случай вызывал у экспертов множество вопросов.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие 10
Глава 1 23
Терроризм и террористы 29
Терроризм сегодня 36
Что считать терроризмом? 44
Конец ознакомительного фрагмента. 52
Комментарии

Джон Хорган
Психология террориста: Почему люди начинают убивать ради идеи

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Переводчик: *Валентина Комарова*
Редактор: *Валерия Башкирова*
Главный редактор: *Сергей Турко*
Руководитель проекта: *Анна Деркач*
Арт-директор: *Юрий Буга*
Дизайн обложки: *Алина Лоскутова*
Корректоры: *Мария Пряшникова-Перепелюк, Мария Смирнова*
Верстка: *Александр Абрамов*

В книге упоминаются социальные сети Instagram и/или

Facebook – продукты компании Meta Platforms Inc., деятельность которой по реализации соответствующих продуктов на территории Российской Федерации запрещена как экстремистская.

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2024 Columbia University Press This Russian language edition is a complete translation of the U.S. edition, specially

authorized by the original publisher, Columbia University Press
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2025

* * *

ДЖОН ХОРГАН

ПСИХОЛОГИЯ ТЕРРОРИСТА

ПОЧЕМУ ЛЮДИ НАЧИНАЮТ УБИВАТЬ РАДИ ИДЕИ

Перевод с английского

Альпина Паблишер

Москва, 2025

Посвящаю тебе, Крис

Изучать психологию очень опасно и очень важно.
Усама бен Ладен

Предисловие

9 мая 1976 года Ульриха Майнхоф в возрасте 41 года повесилась в своей камере в немецкой тюрьме «Штаммхайм»[1]. Чтобы свести счеты с жизнью, мать девочек-двойняшек, в прошлом журналистка, идейная вдохновительница и интеллектуальный лидер террористической группировки Баадера–Майнхоф использовала полотенце. Спустя год другие члены группировки, впоследствии ставшей известной как «Фракция Красной армии»[1], тоже покончили с собой. Гудрун Энсслин, ее бойфренд Андреас Баадер и их сообщник Ян Карл Распе сделали это через несколько часов после неудачной попытки побега из той же тюрьмы. В 1970-х и 1980-х годах «Фракция Красной армии» боролась с капитализмом в Европе и за ее пределами, вдохновляя радикалов, революционеров и свободолюбивых мечтателей по всему миру. К началу 1990-х, когда активность «Фракции» начала постепенно затухать, на ее счету было множество расстрелов, взрывов и налетов на банки[2].

Прошли годы, но споры вокруг самоубийства террористов в «Штаммхайме» не утихали. Действительно ли Майнхоф

---

[1] «Фракция Красной армии» (*нем.* Rote Armee Fraktion, RAF) – немецкая леворадикальная террористическая организация, действовавшая на территориях ФРГ и Западного Берлина с 1970 по 1998 год. – *Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.*

покончила с собой, или ее убили тюремщики? Баадер и его сообщники содержались в разных камерах, и тем не менее им каким-то образом удалось спланировать коллективное самоубийство. Энсслин повесилась, как и Майнхоф, а Баадер и Распе застрелились из пистолетов Heckler & Koch, тайно переданных им в тюрьму. Четвертая участница «Фракции Красной армии», также содержавшаяся в «Штаммхайме», нанесла себе раны хлебным ножом, но выжила, и это породило подозрения, что самоубийствам как минимум не препятствовали[3]. Однако все эти события, несмотря на множество вопросов, отошли на второй план, когда всплыли факты, ставшие причиной новых судебных разбирательств. Спустя почти 25 лет после серии самоубийств в «Штаммхайме» стало известно, что в свое время немецкие власти дали секретное разрешение на использование фрагментов мозга Майнхоф, Энсслин, Баадера и Распе для научных исследований, причем родственникам об этом не сообщили[4]. Только по прошествии десятков лет одна из дочерей Майнхоф, Беттина Рёль, узнала, что фрагменты головного мозга ее матери были переданы двум немецким исследовательским институтам, а третий фрагмент помещен на хранение в раствор формальдегида. Официально сообщалось, что головной мозг Энсслин, Баадера и Распе пропал, но документов, подтверждающих, что он был кремирован или утерян, обнаружено не было[5]. Промелькнула информация, что головной мозг троих террористов некоторое время находился в Тю-

бингенском институте клинических исследований мозга, но, когда в 2002 году журналисты *Der Spiegel* начали собственное расследование и прямо спросили об этом руководство института, возглавлявший последний доктор Рихард Мейерманн ответил, что головной мозг в учреждении больше не хранится[6].

Бернхард Богертс, профессор Магдебургского университета, в котором изучали головной мозг Майнхоф, обнародовал результаты работы своей команды, из которых следовало, что «в ходе исследований были выявлены признаки неврологического расстройства». Нарушения, обнаруженные учеными, возникли после операции по удалению доброкачественной опухоли (эту операцию Майнхоф перенесла, когда ей было 28 лет). Опухоль, как сообщалось, полностью не удалили[7]. Невропатолог, присутствовавший при официальном вскрытии, также доложил о «повреждении мозга в области миндалевидного тела», причиной которого, скорее всего, была не сама опухоль, а хирургическое вмешательство[8]. Дочь Майнхоф, Беттина Рёль, заявила, что ее мать, мозг которой был поврежден в результате операции, вообще не должны были судить[9]. В 2002 году в одном из интервью Беттина Рёль сказала: «Мертвый террорист имеет право на гуманное отношение и должен быть похоронен по-человечески»[10]. Государственный прокурор в Штутгарте заявил немецкой газете *Bild*: «Если Ульриха Майнхоф не давала своего разрешения на то, чтобы ее тело после смерти

использовали для научных исследований, ее головной мозг после вскрытия должен был быть уничтожен»[11]. По указанию прокуратуры Штутгарта мозг Майнхоф был кремирован, урна передана дочери и позже захоронена рядом с могилой Майнхоф на южной окраине Берлина.

Я часто говорю своим студентам, что изучать психологию террористов очень сложно по той простой причине, что мы не можем посмотреть, что творится у них в голове. Однако в некоторых случаях это возможно – в прямом смысле. В среднем мозг взрослого человека весит около 1,5 кг и легко разделяется на части. Сможет ли исследование мозга мертвого террориста пролить свет на причины, по которым этот человек стал террористом? Много лет спустя после упомянутого громкого судебного процесса Богертс в соавторстве с коллегами опубликовал работу, из которой следовало, что «развитие радикальных политических взглядов у [Майнхоф] не объясняется повреждением мозга в результате хирургического вмешательства и причины интереса к радикальным идеям и приверженности радикальным взглядам следует искать в политических и социальных связях». Вместе с тем, указывали авторы статьи, «тот факт, что она стала более агрессивной и жестокой, напрямую связан с повреждением мозга в области миндалевидного тела»[12]. Хотя в случае Майнхоф повреждение мозга отчасти все же обусловило ее участие в террористической деятельности, одного этого было мало.

Как же понять, что движет такими, как Майнхоф, и почему? Попробуем ответить на эти вопросы. Книга, которую вы держите в руках, – результат 20-летних исследований терроризма. В ней показано, как психологическая наука помогает изучать поведение террористов. Впрочем, особо обольщаться не стоит. Предупреждаю (спойлер) – если вы дочитаете книгу до конца, у вас может возникнуть еще один вопрос: «20 лет исследований, а ключ к разгадке так и не найден?» Что делать, так оно и есть. Терроризм – серьезная проблема. Мотивы террористов трудно понять и объяснить. Термин «терроризм» имеет яркую политическую окраску, и говорить на эту тему непросто. Нельзя выделить одну-единственную причину возникновения терроризма, и поэтому не существует одного-единственного решения проблемы. История терроризма, о которой мы, как правило, забываем, уходит корнями в глубокое прошлое. Феномен терроризма – предмет многих научных дисциплин, но вплоть до сегодняшнего дня ни одна гипотеза не доказала своего явного преимущества перед другими, и, несмотря на весь драматизм внешних проявлений терроризма, многое остается за кадром. Те, кого мы называем террористами, действуют, организовывают заговоры и планируют самые неожиданные и жестокие акции, направленные против мирного населения. Действуют они в основном подпольно. Профессор Ноэми Бухана из Университетского колледжа Лондона в 2019 году писала в Twitter: «Пытаться что-то понять без теоретической

базы – все равно что собирать огромный пазл без картинки, начиная с середины»[13]. Эта аналогия дает очень ясное представление о процессе изучения терроризма. Мало того что мы не знаем общей картины и у нас нет инструкции по сборке пазла, так еще и некоторые фрагменты пазла не стыкуются друг с другом. А стоит нам возомнить, что мы наконец-то собрали пазл, как выясняется, что остались лишние детали. Покажите такой пазл кому-нибудь, и вам непременно скажут, что с получившейся картиной, мягко говоря, что-то не так. Иными словами, как сокрушается эксперт в области терроризма профессор Алекс Шмид, «предмет исследования ‹…› настолько сложен, насколько это возможно в социальных науках»[14].

Чтобы понять, что такое терроризм, многие изучают террористов. Этим занимаются и те, кто их ловит, то есть представители органов правопорядка, и академические ученые, такие как автор этой книги. Цель исследователей – попытаться понять логику и поведение террористов, анализируя, что именно они совершают и каким образом. Поиском ответов на эти вопросы в последнее время занимается все больше специалистов. Исследования терроризма как явления (в особенности с точки зрения психологии) приобрели такие масштабы, что досконально изучить все работы в этой области и извлечь из них самое существенное вряд ли возможно. Поэтому моя задача – сфокусироваться на психологии террористов и рассказать читателям, что нам известно о ней на дан-

ный момент, то есть кто такие террористы, как они действуют и почему. На этом пути меня вдохновляет цитата из книги Трейси Киддер и Ричарда Тоддса «Хорошая проза» (Good Prose): «Честный писатель, работающий в жанре нон-фикшен, – это фантазер, который умеет держать себя в узде»[15].

Итак, я представляю вашему вниманию результаты множества исследований психологов (и других специалистов) на эту тему, не затрагивая огромный пласт работ в рамках других научных дисциплин. Вас ждет честный рассказ о том, чем мы руководствуемся, пытаясь понять террориста с точки зрения психологической науки. Уверен, некоторые исследователи наверняка на меня обидятся – не потому, что я неправильно интерпретировал результаты их работы, а потому, что я вообще не упомянул их в этой книге. Но я давно уже не пытаюсь объять необъятное, и, если вы один из тех, на чьи работы я не ссылаюсь, не принимайте этого близко к сердцу.

Изучая терроризм, порой приходится задавать себе не только правильные, но и неудобные вопросы. Правда ли, что при определенных обстоятельствах террористом может стать любой из нас? В том числе и *вы*? В зависимости от конкретных обстоятельств этот вопрос кажется либо опасным, либо банальным. Может сложиться впечатление, что это своего рода уступка злу: разумеется, подобные вопросы не оправдывают терроризм, но в то же время вынуждают признать, что миром правят несправедливость, насилие

и дискриминация. Если вас или того, кто вам дорог, держат под прицелом, пытают, если им угрожают или их домогаются, избивают и мучают, вы непременно захотите нанести ответный удар, и это вполне естественная реакция, не так ли? Одна из самых важных для исследователя задач – постараться не только понять, почему обычный человек вдруг становится террористом, но и разобраться в том, почему лишь *немногие* вступают на этот путь. В своем эссе о джихадизме журналист Танджил Рашид перечисляет факторы, которые влияют на формирование будущих террористов. «На грандиозном мировом полотне, – пишет он, – мы видим огромные сообщества и страны, которые стали жертвами империализма, оказались в изоляции из-за исламофобии или были индоктринированы с помощью саудовских нефтедолларов. Однако эти силы вовлекают в конфликт огромное количество людей, а радикалами становятся немногие. Возникает вопрос: что же такого особенного в характере этих немногих?»[16] Эти слова Рашида отражают главную мысль этой книги. Не так уж трудно разобраться в том, какие идеалы, принципы и радикальные идеологические течения рождают ветры перемен на локальном, региональном или глобальном уровне. Все эти факторы, порождающие терроризм, ученые называют структурными условиями. Гораздо труднее понять, почему ветер радикализма подхватывает и уносит лишь отдельных людей. На этот вопрос не ответит ни углубленный анализ формирования и распространения идеоло-

гии, ни самая полная база статистических данных. Как отмечает специалист по проблеме терроризма Александр Мелеагроу-Хитченс в своей авторитетной работе, посвященной Анвару аль-Авлаки[2], обработка огромных массивов количественных данных «дает не так уж много»[17].

Я психолог. Мне приходилось расспрашивать террористов из разных стран, почему они вступили на этот путь. Психологи изучают поведение людей – что те делают и как, – а потом пытаются понять *причины* их поведения. Поскольку все мы в большей или меньшей степени существа социальные, психологи, как правило, изучают поведение отдельных индивидов в группах или организациях. Социологи тоже изучают поведение людей, но в том числе на уровне социальных сдвигов. Изучают поведение людей и антропологи, но в гораздо более широком плане – на уровне рас и культур. Терроризм – социальный феномен, и все же речь идет в первую очередь о конкретных людях. В большинстве случаев будущие террористы *добровольно* выбирают свой путь, но нередко они делают это, полагая, что действуют от имени сообщества, которое примет их за это с распростертыми объятиями. Им кажется, что на их долю выпала почетная роль – изменить нечто гораздо более значительное, чем они сами, их ближайшее окружение или более широкое сообще-

[2] Анвар аль-Авлаки (1971–2011) – радикальный исламистский проповедник; поддерживал действия исламистских террористических организаций, в том числе «Аль-Каиды».

ство, оказывающее им помощь и поддержку. Кстати, не будем забывать вот о чем: чтобы понять, что движет террористом и что его вдохновляет, необходимо учитывать и реакцию на терроризм отдельных представителей власти и государственных институтов – нередко эта реакция лишь усугубляет проблему.

В своей книге «Экстремизм: философский анализ» (Extremism: A Philosophical Analysis), изданной в 2021 году, Квассим Кассам пишет, что результаты исследования терроризма с точки зрения психологии описывают экстремистское мышление ненамного точнее художественной литературы[18]. Я категорически с этим не согласен и считаю, что для изучения и объяснения терроризма у психологов есть самые разные возможности. И хотя тем из них, кто изучает поведение террористов, предстоит пройти долгий путь, прежде чем они получат ответы на свои вопросы, строгость психологии как науки, опирающейся на испытанные методы, подкрепленные глубокими теоретическими соображениями, уже сейчас позволяет объяснять поведение террористов гораздо лучше, чем раньше. Итак, в этой книге не только рассказывается о том, что нам известно на сегодняшний день и чего мы еще не знаем, но и делается попытка прогнозировать, в каком направлении будут развиваться исследования терроризма в недалеком будущем. Мы нарисуем психологический портрет террориста, а также изучим прошлое, мотивацию и образ мыслей тех, кто при определенных

обстоятельствах убил бы вас или меня во имя идей, о которых мы с вами, возможно, и понятия не имеем.

А теперь я снова прошу вас умерить ваши ожидания. Не существует простых ответов на сложные вопросы, не существует и простых решений проблемы терроризма, а главное, эта проблема настолько сложна для изучения и понимания, что приходится буквально заставлять себя не отчаиваться и продолжать работу. Да, я знаю, проще сказать, чем сделать. Много лет назад меня, тогда еще молодого ученого, впервые пригласили прочитать лекцию по психологии в Пентагоне, и мне очень хотелось впечатлить аудиторию своими академическими познаниями. Не прошло и 15 минут после начала лекции, как большинство моих слушателей либо заснули (в буквальном смысле слова), либо откровенно заскучали. Тем не менее я имел возможность убедиться в исключительной вежливости и тактичности сотрудников министерства обороны. Когда я закончил выступление, организатор мероприятия горячо поблагодарил меня за познавательную лекцию. Но, провожая меня к выходу из здания, он вдруг положил руку мне на плечо и сказал: «Позвольте дать вам совет. Говорите проще. Ребятам важно схватить суть». Просить ученого говорить проще – все равно что заставлять его расписаться в собственной никчемности. «Но тема очень сложная», – возразил я. «Не спорю, – согласился организатор, – но вы ведь хотите, чтобы вас *поняли*, не так ли» Его слова я запомнил на всю жизнь. Хорошо ли я усвоил этот

урок, судить вам. Напоследок замечу, что эта книга не предназначена для моих коллег-ученых и специалистов по терроризму. Если вы из их числа, вам, возможно, более полезно будет ознакомиться с первоисточниками (включая и мои работы), указанными в примечаниях. А книга адресована тем читателям, которые почти ничего не знают о психологии террористов, но интересуются ею.

В следующих главах я расскажу о том, что такое терроризм, а также о том, что по определению нельзя считать терроризмом. Вы получите ответ на вопрос, *кто* вовлекается в террористическую деятельность. Мы с вами рассмотрим социальные, демографические и прочие характеристики, которые в совокупности составляют психологический портрет террориста. Это поможет понять, *почему* террористы делают то, что они делают. Как у них формируется особый тип мышления и каким образом террористическая деятельность влияет на поведение и умы тех, кто в ней участвует? Получив ответы на эти вопросы, мы поймем, как вступившие на путь терроризма учатся убивать и одновременно оправдывать свои действия перед самими собой и окружающими. Мы также уделим внимание вопросам, которые в последнее время занимают исследователей: как террористы *рвут* со своим радикальным прошлым и могут ли они вновь стать достойными членами общества, с которым совсем недавно вели непримиримую борьбу? В главе 6 я аргументированно доказываю, что с террористами необходимо говорить. Это

один из важнейших посылов книги. Чтобы глубже проникнуть в сознание террористов, следует использовать всесторонний подход к изучению их взглядов и образа мысли, а для этого надо задавать вопросы непосредственно террористам (и внимательно выслушивать их ответы).

Рассуждая на страницах этой книги о мышлении террористов, я намерен одновременно и усложнять, и упрощать проблему терроризма. Проблема эта сложная. Но надо попытаться разложить ее на более простые составляющие – только так мы научимся срывать планы террористов и даже предотвращать террористические атаки. Не берусь утверждать, что мне удалось в достаточной мере упростить задачу в рамках данного рассуждения, но очень надеюсь, что смог обрисовать весь комплекс проблем, связанных с терроризмом, и предложить методы их решения. Неважно, кто вы – специалист по борьбе с терроризмом, политик или простой обыватель, который заинтересовался проблемой терроризма, – приведенные здесь аргументы и выводы дадут вам пищу для размышлений независимо от того, подкрепляют ли они или ставят под сомнение (или даже опровергают) то, что вам уже известно.

Глава 1
Что такое терроризм?

Заснеженная вершина Килиманджаро расположена на высоте 5895 м над уровнем моря. Килиманджаро – самая высокая гора в Африке, но далеко не самая высокая в мире. Эверест выше примерно на 3048 м. Многие любители острых ощущений (особенно те, кому только предстоит совершить восхождение) несколько пренебрежительно отзываются о Килиманджаро как о «горе для прогулок». Тем не менее из года в год по горным тропам бредут усталые туристы, превозмогая сильную головную боль и тошноту – симптомы горной болезни, развивающейся при слишком быстром подъеме. Во время поездки в Африку в 2018 году 24-летняя туристка из Дании Луиза Йесперсен не планировала восхождение на Килиманджаро. Ей хотелось покорить гору Тубкаль в Марокко. С ее удивительной вершины (более 4000 м над уровнем моря) открываются потрясающие виды. Луиза готовилась к восхождению несколько месяцев, тщательно продумывала маршрут. О своих планах она писала в социальных сетях и просила друзей, таких же любителей активного отдыха, делиться советами и опытом[19]. Луиза не мыслила жизни без путешествий и обожала природу. Она исходила вдоль и поперек почти все горные тропы в Южной Амери-

ке и мечтала когда-нибудь отправиться в полярную экспедицию. Ранее в том же 2018 году она подала заявку в туристическую компанию Fjällräven, надеясь попасть в число участников ежегодной экспедиции на собачьих упряжках через Арктику[20]. В то время Луиза была студенткой Университета Юго-Восточной Норвегии – именно там она и познакомилась с Марен Уланд, которая, как и Луиза, обожала турпоходы и путешествия. Марен была старше Луизы на четыре года и выросла в Норвегии. Девушки подружились. В их аккаунтах в Facebook и YouTube рассказывалось о многочисленных турпоходах и горных восхождениях и в снег, и в зной, и в дождь. На одном из снимков Марен стоит на покрытой льдом вершине и смеется от радости, понять которую могут только альпинисты. Неудивительно, что обе девушки мечтали стать гидами-проводниками[21].

9 декабря 2018 года подруги прилетели в Марракеш, чтобы начать восхождение на вершину Тубкаль. Они разбили лагерь в нескольких километрах от горной деревушки Имлиль[22]. Восемь дней спустя тела Марен и Луизы обнаружили двое туристов, следовавших по тому же маршруту. По-видимому, спускаясь с горы, девушки встретили тех, кто, как указано в материалах следствия, «искал уроженцев Запада, чтобы убить их»[23].

Журналисты, освещавшие ход расследования убийства и судебный процесс, обнародовали имена почти двух десятков мужчин, причастных к этому злодеянию. Трое из них

были признаны главными виновными. Зачинщиком был 25-летний Абдессамад Эджуд. Вместе с 27-летним Юнесом Уазиядом он зарезал женщин в их палатке, а третий преступник, 33-летний Рашид Афатти, снял убийство на телефон. Эджуд и Уазияд завязали Луизе глаза, а затем обезглавили ее. После этого обезглавили Марен. В видеоролике продолжительностью 1 минута 16 секунд один из убийц называет женщин «врагами Аллаха» и говорит, что их смерть – это «месть за наших братьев в Дейр-эз-Зоре»[24] (джихадистов, убитых в Сирии). За несколько лет до этого Эджуд был заключен в тюрьму после неудачной попытки отправиться в Сирию, чтобы присоединиться к «Исламскому государству»[3]. В 2015 году он вышел на свободу, а четыре года спустя признался следователю: «Я решил продолжать джихад здесь[25], – и добавил: – Я сожалею о том, что произошло, и никак не могу осознать то, что сделал». Все трое были приговорены к смертной казни. Четвертый участник нападения, который покинул место преступления до совершения убийства, получил пожизненный срок. Один из адвокатов убийц заявил о намерении защиты подать апелляцию[26]. Основанием для апелляции, по мнению адвоката, служил тот факт, что убийцы «происходили из бедных семей и были необразованны»[27].

Движение «Исламское государство» проигнорировало это убийство. Тем не менее видео, записанное на мобильный

[3] Террористическая организация, запрещенная в России.

телефон Афатти, набрало 800 000 просмотров всего за месяц. Наряду с ревностными сторонниками «Исламского государства», которые рассылали по соцсетям видео с доказательствами убийств, сторонники крайне правых течений с неменьшим рвением делились видеозаписью в качестве свидетельства «злодеяний приверженцев ислама». Так у видео сформировалась огромная аудитория, включавшая тех, кто проявлял нездоровое любопытство, и тех, кто демонстрировал импульсивное поведение, характерное для пользователей социальных сетей. Даже в Дании многие подростки делились друг с другом этим видео[28].

Я не был знаком ни с Луизой, ни с Марен. Я никогда не встречался ни с ними, ни с кем-либо из их друзей или родственников. Как и они, я люблю горы и стараюсь выбираться на природу при первой возможности. В течение нескольких дней и недель после убийства девушек я прочитал множество новостей об убийстве и внимательно изучил криминалистическую реконструкцию событий в *The New York Times*. Я старался узнать о преступлении как можно больше. Почему Луиза решила поехать именно в Атласские горы? Ей понравилась фотография в журнале для альпинистов? Или фотка в Instagram? В течение двух лет после этих трагических событий я все время размышлял, стоит ли мне написать о них. Анализировать такое гнусное злодеяние, чтобы привлечь внимание читателей? Нет, это недопустимо. Превращать историю об убийстве в статью для интеллектуалов?

Но это ничуть не лучше, чем публиковать видеозапись преступления в интернете. Психиатр Джеймс Нолл, изучавший психологию массовых убийц, призывал с осторожностью относиться к высказываниям тех, кто «домысливает мотивы». С недопустимой поспешностью такие исследователи высказывают предположения относительно мотивов убийства, почти ничего не зная о событиях, о которых берутся судить. Такой подход к изучению поведения террористов говорит только о моральных качествах исследователя и не способствует пониманию проблемы. Я прочитал немало работ по криминальной документалистике и не хотел бы ничего домысливать – это слишком рискованно. И все же эта трагическая история отпечаталась в моей памяти. Убийство девушек поразило меня не только жестокостью, не только вопиющей несправедливостью, но и бессмысленностью. Убийцы Луизы и Марен хотели привлечь к себе внимание и добиться одобрения «Исламского государства». Они не достигли своей цели. Вместо того чтобы снискать славу настоящих воинов ислама, они рыдали в зале суда, умоляя о пощаде судью, приговорившего их к смертной казни.

Терроризм – чудовищное зло. Для террористов их жертвы – фигуры символические, и убийцы, как правило, не знакомы с ними. Жертвы террористов оказываются в неправильное время в неправильном месте, и их убивают во имя цели, о которой они, вероятно, никогда и не слышали. Их гибель – результат трагического стечения обстоятельств,

но преступники и их сторонники торжественно провозглашают убийство невинных людей единственно правильным решением, оправданным и даже необходимым. Для убийц жертвы терроризма – расходный материал. Убитые всего лишь пешки в чужой игре, а эта игра, в свою очередь, является частью более масштабных сценариев, которые почти никогда не приводят игроков к желанной цели. Луиза и Марен отправились в Атласские горы, потому что были очарованы их красотой и хотели покорить очередную вершину. Вместо этого они погибли с завязанными глазами от рук троих мужчин, с которыми никогда ранее не встречались. А террористы, убивая женщин и снимая убийство на камеру, надеялись привлечь к себе внимание и произвести впечатление на людей, с которыми не были знакомы[29].

Терроризм и террористы

Когда-то мы, психологи, считали, что террористы – просто сумасшедшие. Мы были неправы. С течением времени мы стали воспринимать этих людей как вполне рациональных, целеустремленных мужчин и женщин, совершающих отвратительные преступления во имя своих убеждений. Зверства террористов кажутся совершенно нерациональными. Тем не менее поведение террористов диктуется холодным расчетом, в основе которого лежит тщательно продуманный план. Терроризм оправдывают соответствующей идеологией: теракты якобы совершаются с целью защиты более крупного сообщества (или становятся актом мести). За совершенные преступления террористы надеются получить награду или признание террористической группировки, и это их вдохновляет и мотивирует. Терроризм – это убийства и разрушения, но цели у террористов более масштабные. Своими действиями они стремятся изменить ход событий, что, в свою очередь, часто провоцирует на еще более жестокое насилие. К примеру, серия терактов может быть направлена на то, чтобы привлечь внимание к борьбе оккупированного государства за политическую независимость или защитить сообщество от врага, который якобы посягает на его свободы. Терроризм нередко имеет и более конкретные цели – это может быть и протест против содержа-

ния диких животных в неволе, и поддержка движения против абортов. Террористическая стратегия может служить самым разным целям. Рациональность, как говорится, в глазах смотрящего. Для оправдания терроризма его сторонники используют несложное логическое построение: по их мнению, насилие и террор полезны и даже *необходимы,* поскольку только так можно донести свой протест до равнодушной общественности или бездействующего правительства.

В конце 2007 года я беседовал с бывшим террористом в его лондонской квартире. После окончания «официального» интервью, которое длилось несколько часов, он, сидя перед тарелкой с остывшей пиццей, признался: хотя после того, как он решил порвать с терроризмом, прошло уже 20 лет, ему до сих пор до конца не ясно, зачем он вообще во все это ввязался. Его слова поразили меня. Если сами террористы не понимают, почему совершали теракты, что же говорить о нас, психологах? В работах о терроризме, безусловно, поднимаются серьезные вопросы. Честный ученый либо в начале, либо в конце статьи или книги непременно напишет, что терроризм – это комплекс непростых проблем. Да, предмет наших исследований до такой степени сложен, что это порой повергает в отчаяние, но сложность – это не обязательно плохо. Важно уметь разбираться в хитросплетениях – только так мы перестанем надеяться на легкие и простые ответы и будем относиться к простым решениям, порой предлагаемым политиками и учеными мужами, с долей

скепсиса. Однако, когда мы говорим читателям, что осознание сложности проблемы следует рассматривать как очередной шаг к ее пониманию, это несколько рискованно и может иметь серьезные последствия. Переживший холокост Примо Леви[4] писал, что жестокость нацистов «невозможно понять или, скорее, не следует понимать, потому что понять – значит почти оправдать»[30].

Одно можно сказать наверняка: как бы мы ни относились к терроризму, его нельзя игнорировать. Терроризм постоянно держит нас в напряжении и время от времени выводит из состояния благодушной обывательской самоуспокоенности. Теракты вновь и вновь шокируют и возмущают общество, которое, кажется, смирилось с террористической угрозой (или, по крайней мере, свыклось с ней). Террористы вновь и вновь вселяют в нас ужас, совершая неожиданные масштабные теракты, в результате которых гибнет множество людей, как это было 11 сентября 2001 года. Преступники постоянно меняют стратегию, выбирают, кому жить, а кому умереть, и порой убивают тех, кто до сих пор считался неприкосновенным. В мае 2020 года боевики, предположительно связанные с «Исламским государством», ворвались в родильное отделение больницы в Кабуле и убили 16 женщин и двоих новорожденных. Такая зверская жестокость вы-

[4] Примо Леви (1919–1987) – итальянский поэт, прозаик и переводчик; в годы Второй мировой войны был партизаном, в 1944 году оказался в Освенциме, где чудом выжил и позднее написал об этом книгу.

зывает глубокое отвращение. Иначе и быть не может. Преднамеренное, обдуманное убийство человека – глубоко противоестественный акт, отрицающий даже намек на рациональность или здравомыслие. Большинство из нас настолько далеки от идей террористов, что вряд ли смогут заставить себя спокойно размышлять о психологии и стратегии негодяев. Реакция обычного человека на трагические события – гнев и отчаяние. Зачем убивать новорожденных? Во имя каких высоких целей было совершено это зверское преступление? Вопиющая жестокость, которая нас так возмущает, еще и абсолютно бессмысленна. Террористам редко удается достичь глобальных целей, однако этот неоспоримый факт не останавливает даже плохо вооруженные группировки: они все равно пытаются оказать давление на общество, публично убивая тех, кто кажется им удобной мишенью. Чаще всего именно фанатичная вера в собственную правоту вдохновляет террористические группировки на борьбу с непреодолимыми трудностями и гораздо более могущественным противником.

Терроризм – стратегия, а тактика террористов – насилие. Они преследуют более серьезные цели, чем убийство ради убийства. В стратегии терроризма масса противоречий: террористы добиваются свободы для одних групп населения, отнимая ее у других. Они используют насилие для достижения своих целей, потому что хотят, чтобы их заметили и услышали, но в то же время насилие восстанавливает про-

тив них население – вряд ли преступников захотят слушать после того, что они сделали. Террористы отвечают на это новыми, еще более жестокими терактами. Реакция государства на теракты, как правило, не решает проблему, а лишь усугубляет ее, и ситуация еще сильнее накаляется. Во всем мире государство реагирует на теракты ужесточением репрессий, казнями, убийствами без суда и следствия, похищениями и другими грубыми нарушениями прав человека, причем все это совершается во имя тех же прав и свобод, за которые, по их словам, борются и террористы. Напряжение быстро нарастает, и вот уже первоначальная цель теракта забыта, а террористов, власти и оказавшееся между двух огней перепуганное население швыряет друг в друга буря взаимной ненависти.

Когда пытаются оправдать терроризм, обычно говорят, что теракты носят оборонительный характер, что эта стратегия нацелена на защиту чьих-то рубежей от более сильного (как правило) противника. Такая стратегия так привлекает террористические организации прежде всего потому, что наносит обществу сильнейший психологический удар. Последствия терактов 11 сентября 2001 года, возможно, даже превзошли ожидания главарей «Аль-Каиды»[5], но изначально последние ставили перед собой вполне определенную цель: нанести ущерб США и унизить американцев, а также максимально жестко дать понять, что те уязвимы и почти

[5] Террористическая организация, запрещенная в России.

беззащитны перед гораздо меньшим по численности невидимым противником. При поддержке глобальной коалиции Соединенные Штаты нанесли ответный удар и вторглись в Афганистан и Ирак. Итог вторжения – сотни тысяч убитых и политическая нестабильность в этих регионах. Что же касается «Аль-Каиды», то спустя 20 лет она все еще продолжает существовать.

Небольшим группам радикалов-фанатиков тактика террористов понятна и близка. Локальные акты насилия могут произвести гораздо более серьезный эффект и всколыхнуть общество, если их спланировать и совершить как масштабные теракты. Это дает фанатику определенные психологические бонусы: укрепляет его веру в свою правоту и помогает мгновенно почувствовать удовлетворение от содеянного. Однако с точки зрения стратегии полученные преимущества, как правило, недолговечны. Терроризм эффективен в краткосрочной перспективе – главным образом из-за психологического воздействия. После теракта общество испытывает шок, ужас, чувство унижения и беспомощности, и эти переживания могут проникать очень глубоко. Мы буквально застываем на месте и невольно задаемся вопросом: кто будет следующим? Может быть, мы сами или наши близкие? Мы не в силах оторваться от новостных программ, в которых эксперты гадают, кто именно виноват в содеянном. Кто эти люди, совершившие теракт? Чего они добиваются? Что делали раньше? Могут ли совершить новые теракты? Угрожа-

ет ли всем нам опасность? Что делать, как от них защититься? Уже не раз говорилось, что у терроризма много общего с театром, а театральное представление – это коллективный опыт, и сила воздействия спектакля на зрителей напрямую зависит от их вовлеченности в происходящее на сцене.

Терроризм сегодня

В последние годы террористический театр стал более камерным. Мы хорошо знаем методы террористов – лучше, чем когда-либо. Раньше считалось, что террористические группировки всегда пытаются привлечь наше внимание с помощью масштабных операций. Но такие теракты требуют тщательной подготовки и колоссальных расходов. Планирование подобных акций занимает немало времени, для их совершения требуется определенный уровень подготовки и особое стратегическое чутье, позволяющее выгодно использовать ситуацию, сложившуюся после теракта. Временная Ирландская республиканская армия обычно выбирала время для терактов таким образом, чтобы репортажи о взрывах заполонили все вечерние новостные передачи. Но так было раньше. За последние 30 лет в области взаимодействия человека с технологиями произошли фундаментальные изменения – сейчас мы все чаще становимся виртуальными псевдоучастниками террористического насилия. Так, 27 октября 2018 года в праворадикальной социальной сети Gab было опубликовано следующее сообщение: «Смотрите внимательно. Я вхожу в здание». Несколько мгновений спустя 46-летний Роберт Бауэрс с полуавтоматической винтовкой в руках вошел в синагогу «Древо жизни» в квартале Скваррел-Хилл в Питтсбурге, штат Пенсильвания, и застрелил

11 человек, а 7 ранил. Для еврейской общины Соединенных Штатов это вооруженное нападение стало самым смертоносным по числу жертв. Высказывались мнения, что убийства в синагоге – результат роста антисемитских настроений за несколько месяцев до описываемых событий: почти за год до этого неонацисты и другие ультраправые группировки собрались в Шарлотсвилле, штат Вирджиния, чтобы попытаться объединить возрождающееся, хотя и раздробленное, белое националистическое движение в США. Это событие вызвало осуждение широкой общественности, но с тех пор антисемитские акции и преступления на почве расовой ненависти начали происходить все чаще.

Спустя полгода после событий в Питтсбурге произошло еще одно вооруженное нападение, на этот раз в Крайстчерче, в Новой Зеландии. Жертвами 28-летнего Брентона Тарранта во время пятничной молитвы в двух мечетях стали мужчины, женщины и дети – всего 51 человек. Таррант, известный белый расист, транслировал убийства в прямом эфире на своей странице в Facebook. Через несколько месяцев в Эль-Пасо, штат Техас, в местном супермаркете Walmart были убиты 23 человека. Убийца – 21-летний стрелок Патрик Крузиус – незадолго до вооруженного нападения опубликовал антииммигрантский манифест на скандально известном анонимном имиджборде 8chan. Крузиус заявил, что на убийства его вдохновили действия Тарранта в Новой Зеландии. Сегодняшние террористы выбирают

своих жертв не только по национальному или религиозному признаку. Критериями отбора могут стать этническая принадлежность, пол, раса и сексуальная ориентация. При этом терроризм произрастает в мире, который с каждым годом сужается, – во всяком случае, складывается такое впечатление. Раньше мы различали внутренний и международный терроризм. Сегодня теракт в Новой Зеландии вдохновляет террориста в Техасе, а бойня в Калифорнии может спровоцировать убийства в Торонто. Становится очевидно: расстояния не играют никакой роли. Значимость фактора удаленности фактически стремится к нулю, когда речь идет о террористах и о том, что на них влияет и побуждает совершать теракты.

Современные технологии кардинально изменили терроризм и продолжают усиливать его психологическое воздействие такими способами, о которых раньше мы и помыслить не могли. Когда теракты транслируются в режиме реального времени на платформах социальных сетей, мы словно становимся их непосредственными свидетелями, и это ощущение вовлеченности завораживает. Мы понимаем, что не должны смотреть трансляцию теракта, но искушение велико. Мы ищем оправданий: смотреть надо, чтобы понять, что именно движет террористами. Но даже если мы правы, просмотр трансляции теракта вряд ли поможет понять преступников и их мотивацию. Зачастую террористы подробно объясняют свои действия и цели, но зрители все равно ловят себя

на мысли: «Ничего не понимаю!» Еще один пример: 23 апреля 2018 года в центре Торонто небольшой грузовик выехал на тротуар. Десять пешеходов, в том числе восемь женщин, погибли на месте. Еще 16 человек (тоже в основном женщины) получили ранения, а одна из пострадавших скончалась от полученных травм через три года после теракта. Водитель, 25-летний Алек Минасян, сдался полиции и был арестован. На допросе он заявил следователю, что он инцел[6], и добавил: «Я сделал это от имени всех обозленных инцелов, которые, как и я, никак не могут ни с кем переспать»[31]. Причина вынужденного воздержания, утверждают инцелы, – длинноногие «Стейси» (так инцелы называют симпатичных девушек, которые отказывают им в сексе). Некоторые инцелы считают, что решить проблему вынужденного воздержания можно только с помощью насилия. Минасян пояснил: «Я знаю нескольких парней в соцсетях, которые чувствуют то же самое. ‹…› [Но они] слишком трусливы и боятся выступить открыто. ‹…› Пришло время действовать, а не просто сидеть в углу и предаваться унынию. ‹…› Я решил вдохновить своих будущих сторонников на то, чтобы последовать моему примеру и поднять восстание». Напоследок он заявил: «Я чувствую, что выполнил свою задачу». Канадские власти назвали убийства, совершенные Минасяном, «отдельными проявлениями насилия», а его самого – «волком-одиночкой» и за-

[6] Инцел (от англ. involuntary celibate – «вынужденный целибат») – страдающий от вынужденного воздержания. – *Прим. пер.*

верили общественность, что этот инцидент не угрожает национальной безопасности.

Однако анализ действий Минасяна перед терактом свидетельствует об обратном. В нескольких постах в социальных сетях он признавался, что его вдохновил 22-летний Эллиот Роджер из Исла-Виста, штат Калифорния. За четыре года до теракта, совершенного Минасяном, 23 мая 2014 года, Роджер устроил бойню возле кампуса Калифорнийского университета в Санта-Барбаре. Убив двоих соседей по комнате и их друга, Роджер отправился в женское общежитие, где убил двух девушек. Он попытался скрыться с места преступления на автомобиле, без разбора стреляя во всех, кто попадался ему на пути, убил еще одного человека и сбил нескольких пешеходов и велосипедистов. Роджер не сдался полиции и застрелился в машине. В нескольких видеороликах, в том числе в снятом за день до вооруженного нападения, он говорил, что скоро настанет «день возмездия»[32]. Вот его слова: «С тех пор как восемь лет назад я достиг половой зрелости, я мучился от одиночества и нереализованных желаний и чувствовал себя отверженным, – а все потому, что никогда не нравился девушкам. Девушки дарили секс и любовь другим парням, а мне – никогда. ‹…› Мне 22 года, а я все еще девственник. ‹…› Это меня мучает». Затем тон Роджера внезапно меняется.

> Вам, девчонки, я никогда не нравился. Не понимаю, почему это так, но я всех вас накажу за это. Отвергать

меня – несправедливо и жестоко. Не понимаю, что именно вам во мне не нравится. Я идеальный парень, а вы выбираете этих мерзких уродов, а не меня, истинного джентльмена. Я всех вас за это накажу. ‹…› В день возмездия я войду в женское общежитие Калифорнийского университета и убью любую избалованную, заносчивую белокурую шлюху, которая попадется мне на глаза. Убью всех девчонок, которых так сильно желал. Когда я пытался предложить им секс, они отвергали меня и смотрели на меня свысока, как на ничтожество, а сами вешались на шею этим мерзким скотам. Я с огромным удовольствием всех вас перережу[33].

В своем манифесте «Мой извращенный мир: история Эллиота Роджера» (107 000 слов) он пишет: «Я жертва обстоятельств. Я хороший парень»[34].

Говоря о террористах, мы, как правило, не имеем в виду инцелов. Они производят впечатление унылых, беспомощных, отвергнутых одиночек. Многие инцелы попадают в замкнутый круг отчаяния и ненависти к себе. Им стыдно, поскольку они считают себя неудачниками. Некоторые винят в своих бедах представительниц слабого пола и, соответственно, дегуманизируют и виктимизируют женщин, отказавших им в близости. Инцелов обычно считают замкнутыми, одинокими лузерами, неспособными на нормальные отношения и живущими в виртуальном мире, где они могут давать волю своим фантазиям и мечтам об отмщении. Сообще-

ство инцелов гораздо шире, оно более разнообразно, чем мы думаем, и очень немногие его представители переносят женоненавистничество из виртуального мира в реальный и совершают зверские убийства. Тем не менее действия Минасяна, а до него и Роджера в точности соответствуют определению терроризма – это преступления против мирных граждан, совершаемые во имя определенной идеологической цели. Жертвы Минасяна и Роджера были случайными людьми, которых убийцы не знали лично, но эти жертвы олицетворяли то, что ненавидели инцелы. По словам Минасяна, посредством терактов предполагалось поднять восстание инцелов – об этом подробно говорится в заявлениях и манифестах самого Минасяна и его единомышленников. Цель убийцы может быть довольно туманной, а идеология странной, но все это не имеет значения, когда возникает вопрос о том, можно ли считать конкретное преступление терактом.

Преступления инцелов наглядно показывают, что, несмотря на пространные и запутанные объяснения мотивов и попытки оправданий, объяснить их действия с точки зрения здравого смысла очень трудно, не говоря уже о том, чтобы однозначно квалифицировать совершенные ими действия как теракты. Идеология – это, если кратко, набор упорядоченных убеждений. Она вдохновляет своих приверженцев на определенные действия, руководит их поступками и придает им смысл, а также помогает ответить на вопрос, может ли то или иное преступление считаться терактом.

Крузиус, который убил 23 человека в Эль-Пасо, следуя примеру убийцы в Крайстчерче, сослался на «теорию великого замещения» – бело-националистическую ультраправую теорию, согласно которой массовый приток цветных мигрантов неизбежно разрушит социальную структуру и традиционную культуру белого населения Европы, что приведет, по мнению сторонников этой теории, к «геноциду белых». Эта идеология стала причиной одного из самых громких терактов за последние годы. В 2011 году норвежский ультраправый экстремист Андерс Брейвик убил восемь человек, взорвав микроавтобус в Осло. Несколько часов спустя он застрелил еще 69 человек на острове Утойя, где располагался летний лагерь, организованный представителями молодежного крыла социал-демократической Рабочей партии Норвегии.

Что считать терроризмом?

Квалифицировать публичные насильственные действия как теракты не всегда бывает легко и просто. После вооруженного нападения наступает сложный период – общество ждет разъяснений. В Соединенных Штатах после массовых расстрелов нередко звучат призывы «называть вещи своими именами – это теракт». Многие считают, что не использовать термин «терроризм» в отношении массовых убийств – значит оскорблять память погибших, и чаще всего граждане призывают считать преступление терактом именно в знак солидарности с жертвами. Пример такой путаницы в понятиях иллюстрируют трагические события осени 2017 года. Вечером 1 октября на фестиваль под открытым небом Route 91 Harvest в Лас-Вегасе собрались более 20 000 любителей кантри-музыки. Один из них, 64-летний Стивен Пэддок, забронировал в отеле Mandalay Bay номер с видом на город. Из соседних номеров 32-134 и 32-135 Пэддок выпустил более тысячи патронов в кричащую от ужаса толпу зрителей. Ему удалось пронести в гостиничный номер 24 единицы оружия, причем один револьверный патрон 38 Special был предназначен для конкретной цели – Пэддок застрелился, прежде чем его успели схватить полицейские. Чтобы беспрепятственно осуществить свой замысел, преступник использовал две небольшие камеры наблюдения, с помощью которых следил

за действиями служб экстренного реагирования. Одну камеру он установил на дверной глазок – она передавала изображение коридора в реальном времени на портативный компьютер в комнате гостиничного номера, а другую прикрепил к гостиничной тележке, стоявшей в коридоре рядом с дверью его номера, – с этой камеры изображение транслировалось на монитор компьютера, установленный на барной стойке. Прежде чем покончить с собой, Стивен Пэддок в течение 11 минут застрелил 58 человек. Еще почти 900 человек были ранены в результате стрельбы или получили травмы в последовавшей давке. Двое раненых скончались через несколько дней. Более 400 зрителей получили огнестрельные и осколочные ранения. Кроме того, Пэддок обстрелял топливные баки в расположенном неподалеку международном аэропорту Маккарран. Несколько раз он промазал, а от пуль, попавших в контейнеры, топливо не воспламенилось. Через 41 минуту после того, как Пэддок прекратил стрелять, сотрудники спецслужб ворвались в его номер и обнаружили его мертвым на полу[35].

Специальная следственная группа центрального департамента полиции Лас-Вегаса почти год расследовала обстоятельства дела и в итоге представила отчет объемом 187 страниц, содержавший подробности биографии Пэддока и его тщательно подготовленного вооруженного нападения. В ходе расследования допросили родственников преступника, его подругу, бывшую жену, врача, знакомых

и партнеров по азартным играм, но не обнаружили никаких доказательств того, что убийца придерживался какой-либо идеологии[36]. На публичном брифинге шериф округа Кларк Джо Ломбардо и вовсе назвал Пэддока «самым обычным человеком». Следователи изучили материалы 2000 версий расследователей, просмотрели 22 000 часов видеозаписей и 252 000 изображений, но так и не смогли понять, зачем Пэддок совершил все эти убийства. В ходе расследования отделение ФБР в Лас-Вегасе обратилось в отдел поведенческого анализа ФБР и запросило результаты анализа преступления в надежде, что последние прольют свет на мотивы преступника. В отделе была организована команда специалистов всех профилей – психологов, психиатров и других, которым было поручено проанализировать данные о поведении Пэддока. Все специалисты вошли в состав экспертной группы, работавшей в Лас-Вегасе. Через год группа представила свое заключение[37]. Краткий отчет на трех страницах резко контрастировал с пространным отчетом полиции Вегаса. Первым в списке из десяти ключевых пунктов значился вывод, который мало кто хотел услышать: не было «никаких доказательств того, что причиной вооруженного нападения Пэддока стали идеологические или политические убеждения преступника. ‹…› Никакие идеологически мотивированные лица или группы не направляли, не вдохновляли и не поддерживали действия Пэддока. Более того, Пэддок не собирался при помощи вооруженного нападения пропаганди-

ровать какие-либо религиозные, социальные или политические идеи»[38]. Эксперты пришли к выводу, что Пэддок делал все возможное, чтобы «сохранять свои замыслы, в том числе и план массового расстрела, в тайне». Они утверждали, что Пэддок намеревался покончить жизнь самоубийством, – возможно, это было связано с заметным «ухудшением его физического и психического здоровья» в сочетании с «неспособностью или нежеланием искать другой выход из создавшейся ситуации». Специалисты заключили, что Пэддок хотел не только покончить с собой, но и «снискать дурную славу». Анализ взаимоотношений Пэддока с окружающими показал, что он был «не способен на эмпатию» и «с помощью манипуляций и лицемерия ловко использовал близких». Опрошенные в ходе полицейского расследования пришли к такому же выводу – Пэддок «думал только о себе»[39].

Жесткие и краткие формулировки экспертов многих разочаровали. Хотя, как выяснилось, Пэддок действовал не из чувства мести и не по идеологическим соображениям, шериф Ломбардо продолжал утверждать обратное: «Лично я назвал бы это преступление терактом. Действия преступника были направлены на группу лиц с целью причинения им вреда»[40]. Судебное решение отражало реакцию граждан в первые минуты после бойни. Почти сразу после стрельбы, 2 октября 2017 года, Леди Гага написала в Twitter: «Все просто и понятно – это терроризм». Поп-звезда Ариана Гранде, на концерте которой в мае 2017 года в Манчестере тер-

рористы устроили взрыв, призывала: «Подумайте хорошенько и назовите это правильно, поскольку это самый настоящий терроризм». Неясно, имели ли звезды в виду именно терроризм в его классическом понимании, но их высказывания приобрели определенную популярность. После волны массовых убийств, прокатившейся по всей территории Соединенных Штатов в 2019 году, общественность в едином порыве тоже требовала «назвать это правильно» – терроризмом. Конечно, между массовыми расстрелами мирных граждан и терактами есть несомненное сходство. Массовые убийства были актами преднамеренного, целенаправленного насилия, носили публичный характер, привлекли внимание широкой общественности, напугали людей. И все же эти массовые расстрелы терактами не были. Хотя Пэддок устроил крупнейшую массовую стрельбу в истории США, его действия тоже нельзя квалифицировать как терроризм[41]. Да, он устроил зверскую бойню, но им двигали личные, глубоко скрытые мотивы. Чтобы преступление считалось терактом, его цель должна быть провозглашена открыто, во всеуслышание.

Вы можете не согласиться со мной. В самом деле, почему бы не называть массовые убийства актами терроризма? А вот почему: если признать, что вооруженное нападение идеологически мотивировано, это будет иметь серьезные, далекоидущие последствия. Поясню: на основе данных, предоставляемых центром START при Мэрилендском уни-

верситете, некоммерческая организация Институт экономики и мира ежегодно публикует так называемый Глобальный индекс терроризма[7]. Центр START, финансируемый министерством внутренней безопасности США, пользуется всеобщим (и заслуженным) уважением. В докладе «Глобальный индекс терроризма» за 2018 год представлены основные тенденции в сравнении с предыдущим годом[42]. Один из главных выводов таков: количество терактов в мире продолжает снижаться. Если точнее, в докладе говорится о снижении с 2016 по 2017 год количества смертей в результате терактов почти на 30 %[43]. В то же время подчеркивается, что в Северной Америке наблюдается противоположная тенденция: в Соединенных Штатах «количество смертей возросло с 64 до 86»[44]. В чем же причина? А вот в чем: в базу данных о терактах была включена бойня в Лас-Вегасе. Если бы этот расстрел не попал в отчет, эксперты сообщили бы о значительном снижении количества терактов в США за рассматриваемый период. В центре START классифици-

[7] Глобальный индекс терроризма (Global Terrorism Index, GTI) и сопровождающий его рейтинг стран мира по уровню терроризма – комплексное исследование, нацеленное на измерение уровня террористической активности в различных странах. Национальный консорциум по изучению терроризма и противодействию терроризму (Study of Terrorism and Responses to Terrorism, START) – центр передового опыта в области внутренней безопасности при Мэрилендском университете, специализирующийся на исследовании терроризма в США и мире. Институт экономики и мира (Institute for Economics and Peace) – глобальный аналитический центр со штаб-квартирой в Сиднее, Австралия, и филиалами в Нью-Йорке, Мехико и Оксфорде.

ровали стрельбу в Лас-Вегасе как вооруженное нападение, совершенное «антиправительственными экстремистами»[45]. Эта формулировка противоречит отчетам полиции Лас-Вегаса и экспертной группы ФБР, содержащим один и тот же вывод: Пэддок действовал в одиночку, и нет никаких доказательств того, что в его действиях присутствовал идеологический подтекст. Кроме того, Пэддок не оставил никаких сообщений с призывами последовать его примеру и, в отличие от Минасяна, не утверждал, что решил действовать потому, что его единомышленники струсили или просто не захотели его поддержать.

Вопрос не исчерпан, это очевидно. Порой мы фокусируемся на конкретных особенностях преступления, которые, как нам кажется, позволяют квалифицировать его как теракт. Действия Пэддока на первый взгляд можно с уверенностью назвать актом терроризма. Пэддок устроил массовый расстрел мирных граждан, его преступление посеяло страх в обществе. Но терроризм предполагает нечто большее. Это стратегия, открытая для тех, кто готов ее использовать и кого не останавливает иллюзорность ее эффективности. Часто спорят о том, работает ли терроризм, но решение начать участвовать в террористической деятельности редко зависит от ответа на этот вопрос. Движение «Исламское государство» никогда не добьется всемирного халифата, а озлобившиеся инцелы никогда не заставят женщин вступать с ними в интимные отношения. Массовая стрельба, сеющая ужас

и вызывающая панику, – это акт терроризма? Если СМИ не навешивают на преступление ярлык «теракт», оно не является актом терроризма? Если преступник совершает убийство и открыто пропагандирует какие-либо идеи или идеологию, но при этом его не обвиняют в совершении теракта (или он не осужден за террористическую деятельность), террорист он или нет?

Помимо проблемы классификации, при изучении терроризма возникают и другие проблемы, в числе которых стоит отметить непоследовательность и лицемерие. Термин «терроризм» во многих отношениях можно рассматривать как слово-триггер. Использование термина, по мнению некоторых, сразу выдает приверженность определенным политическим взглядам. Каждый раз, когда в своих лекциях я говорю о негосударственных акторах, использующих стратегию терроризма, по крайней мере один из присутствующих непременно спросит: «А как насчет *государственного*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
Peter Finn, "Germans Studied Brains of Radical Group's Leaders," Washington Post, November 19, 2002.

2.
Bernhard Bogerts, Maria Schöne, and Stephanie Breitschuh, "Brain Alterations Potentially Associated with Aggression and Terrorism," CNS Spectrums 23, no. 2 (2018): 129.

3.
Paul Hoffman, "3 Jailed German Terrorists Reported Suicides as Hostages from Hijacked Plane Fly Home," New York Times, October 19, 1977.

4.
Finn, "Germans Studied Brains."

5.
Там же.

6.
John Hooper, "The Dead Guerrillas, the Missing Brains and the Experiment," Guardian, November 18, 2002.

7.

Constance Holden, "Fuss Over Terrorist's Brain," Science 298, no. 5598 (2002): 1551.

8.
Там же.

9.
Rob Broomby, "Mystery Over German Guerrilla's Brain," BBC News, November 9, 2002.

10.
Mark Landler, "German Radical's Daughter Seeks Brain Kept After Suicide," New York Times, November 12, 2002.

11.
Там же.

12.
Bogerts et al., "Brain Alterations," 129.

13.
Noémie Bouhana, October 21, 2019, http://twitter.com/noemie_bouhana: «После лекции, прочитанной в начале недели, меня спросили (в очередной раз), какова ценность теории для такой прикладной области, как наша. Мне кажется, что гоняться за любой формой знаний без теории –

все равно что пытаться решить огромную головоломку без картинки и начинать с середины».

14.
Alex P. Schmid, "Comments on Marc Sageman's Polemic 'The Stagnation in Terrorism Research,' " Terrorism & Political Violence 26, no. 4 (2014): 593.

15.
Tracy Kidder and Richard Todd, Good Prose: The Art of Nonfiction (New York: Random House, 2013), 36.

16.
Tanjil Rashid, "Inside the Jihadi Mind–Can Fiction Match (or Even Better) an Insider's Account?" Financial Times, February 8, 2019.

17.
Alexander Meleagrou-Hitchens, Incitement: Anwar Al-Awlaki's Western Jihad (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020), 3.

18.
Quassim Cassam, Extremism: A Philosophical Analysis (London: Routledge, 2021), 89.

19.
Greg Miller and Souad Mekhennet, "Murder in the Atlas Mountains," Washington Post, June 21, 2019.

20.
"Murders of Louisa Vesterager Jespersen and Maren Ueland," Wikipedia, last modified September 19, 2021, https://en.wikipedia.org/wiki/Murders_of_Louisa_Vesterager_Jespersen_and_Maren_Ueland.

21.
Lucia I. Suarez Sang, "ISIS Supporters Who Beheaded Scandinavian Hikers in Morocco Sentenced to Death," Fox News, July 18, 2019.

22.
Bill Bostock, "The Killing of Two Scandinavian Backpackers in Morocco Has Been Declared an 'Act of Terror' as Officials Investigate an ISIS-Style Beheading Video," Insider, December 20, 2018.

23.
Miller and Mekhennet, "Murder in the Atlas Mountains."

24.
Там же; "Morocco Suspect Admits Killing Scandinavian Hiker,"

BBC News, May 31, 2019.

25.
"Morocco Suspect Admits Killing Scandinavian Hiker"; Ruth Maclean, "Moroccan Court Orders Death Penalty for Jihadists Who Beheaded Tourists," Guardian, July 18, 2019.

26.
AFP, "Mother of Danish Student Suspected Killed by Jihadists Demands Death Penalty," Guardian, July 11, 2019.

27.
Maclean, "Moroccan Court Orders Death Penalty for Jihadists Who Beheaded Tourists."

28.
Suarez Sang, "ISIS Supporters Who Beheaded Scandinavian Hikers in Morocco Sentenced to Death."

29.
Miller and Mekhennet, "Murder in the Atlas Mountains."

30.
Edward Mendelson, "The Complete Works of Primo Levi," New York Times, November 23, 2015.

31.
"Alek Minassian Tells Police About His Feelings Towards Women," CTV News Toronto, September 27, 2019.

32.
"Transcript of Video Linked to Santa Barbara Mass Shooting," CNN, May 27, 2014.

33.
Там же.

34.
The book was posted online as a PDF. Copy in author's possession.

35.
Joseph Lombardo, "LVMPD Criminal Investigative Report of the 1 October Mass Casualty Shooting," Las Vegas Metropolitan Police Department, August 3, 2018, https://www.lvmpd.com/en-us/Documents/1-October-FIT-Criminal-Investigative-Report-FINAL_080318.pdf.

36.
Там же.

37.

U.S. Department of Justice, Federal Bureau of Investigation, "Key Findings of the Behavioral Analysis Unit's Las Vegas Review Panel (LVRP)," United States Federal Bureau of Investigation, 2018, https://www.hsdl.org/?view&did=820782.

38.
Там же.

39.
Lombardo, "LVMPD Criminal Investigative Report," 20.

40.
Vanessa Romo, "Police End Las Vegas Shooting Investigation; No Motive Found," NPR, August 3, 2018.

41.
Lombardo, "LVMPD Criminal Investigative Report," 125.

42.
Institute for Economics and Peace, Global Terrorism Index 2018: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, November 2018, https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/10/Global-Terrorism-Index-2018.pdf.

43.

Там же.

44.
Там же, 45.

45.
Там же, 81.